

*Монблану и Вилаверду,
для меня незабываемым.
Вербе на улице Нарсиса Монтуриоля, 21*

Пусть преданные отечеству радикалы
готовят войны, трактаты, место на клад-
бище для нас с тобой и памятник себе са-
мым, а мы поговорим о том, что важнее
всего: о дедушке.

*Гонсалу М. Таварииш*¹

Жить в ребенке прекрасно.

*Роберто Пьюмини*²

¹ Т а в а р и ш, Г о н с а л у М. (род. 1970) — современный португальский писатель. Автор стихов, прозы, эссе, книг для детей. Эпиграф взят из его произведения «Путешествие в Индию», не переведенного на русский язык.

² П ь ю м и н и, Р о б е р т о (род. 1947) считается классиком современной итальянской литературы для детей. Эпиграф взят из повести «Маттиа и дедушка» (1999) (перевод на русский язык Татьяны Стамовой).

1. Большие перемены

КЛОНИКИ

«Как две капли воды», — говорит дедушка, стоит маме и бабушке повздорить. «Мы не ссоримся, мы всегда так разговариваем», — отвечает то одна, то другая на наши упреки. И лучше всего дать им самим во всем разобраться.

Как две капли воды они потому, что — теперь я это понял — они одинаковые. Объяснив это мне, дедушка тут же направился в родительский кабинет, а вернулся с запыленным альбомом, чтобы показать мне фотографии тех лет, когда бабушка была маминого возраста.

— Их клонировали! — сказал я.

С того дня мама и бабушка — клоники. Сами они об этом не знают, это один из наших с дедушкой секретов.

На одной из фотографий бабушка в фартуке сидит на каменной скамейке возле дома, а мама мелом рисует каракули на цементной дорожке. Рядом с ними нарисовано дерево, очень большое, почти в натуральную величину.

— Это моя верба, — сказал мне дедушка. — Когда-нибудь я тебе про нее расскажу.

РЕБЕНОК

— Жоан, сходи с ребенком за хлебом.

«Ребенок» — это я. В последнее время, что бы деду ни поручили, меня отправляют с ним в нагрузку. Иногда мне никуда идти не хочется, потому что я как раз сел играть, или читать, или даже делать уроки. Но с недавнего времени сопровождать деда стало для меня самым важным делом.

— Гляди-ка, за хлебом нас послали, Жан.

Когда мы выходим на улицу, дед крепко берет меня за руку и просит читать вслух названия всех улиц. Куда бы мы ни шли, он хочет, чтобы я как следует знал дорогу, потому что, по его словам, я уже большой и скоро буду везде ходить сам. Когда это говорит, глаза у него делаются какими-то остекленевшими, чужими, и мне становится трудно дышать. Но я не спорю — я с дедом никогда не спорю — и читаю таблички: улица Уржелль, Боррель, Тамарит, Виладомат¹...

— Магазины — штука ненадежная, не успеешь оглянуться, как они уже куда-то переехали. Все меняется, кроме улиц. — И он вглядывается в темные буквы на табличках из белого мрамора, как будто на каждом углу нас ждут тайные сообщения о том, как найти дорогу домой.

¹ Барселонские улицы, расположенные в районе Сант-Антони округа Эшампле, где живут герои повести.

СВОЙ ДЕД

— Скажи своему деду, что пора ужинать.

Всем известно, что когда бабушка зовет его «своим дедом», пора бить тревогу.

В хорошем настроении бабушка Катерина бывает почти всегда. Заметьте, почти. А если настроение у нее плохое, расхлебывать кашу приходится деду, потому что с ним она тут же перестает разговаривать.

Дни бывают двух видов: «солнышко, ужин на столе, зови ребенка» и «скажи своему деду, что пора ужинать». Первое мы слышим чаще, чем второе. То есть раньше слышали чаще. А теперь я уже которую неделю слышу про «своего деда».

А клоники почти не спорят, только шушукуются на кухне. Дверь они закрывают плотно, как в те дни, когда мама жарит на сковородке сардины, или когда папе заблагорассудится сварить на ужин капусту. Но запирают они ее не для того, чтобы квартира не пропахла едой.

Пока они там заперты, дед глаз не сводит с дверной ручки, мне кажется, он даже не моргает, считая секунды, и с каждой секундой взгляд у него становится все более опустошенный.

А когда открывается дверь, бабушка всегда выходит первой и сразу же заглядывает деду в радостно сияющие от ее вида глаза.

ТЮТЕЛЬКА В ТЮТЕЛЬКУ

Раньше дедушка Жоан был часовых дел мастером. «Как был, так и остался!» — бурчит он себе под нос. Часовщиком он был в родном поселке. Он любит повторять, что в Вилаверде благодаря ему все шло тютелька в тютельку. И я уверен, что так оно и было. Я в этом уверен и не могу понять, сгущаются ли и теперь в Вилаверде сумерки в назначенный час или же время ускользает оттуда, минута за минутой, с тех пор как бабушка с дедом переехали жить к нам.

Дедушку это смешит. Он говорит, что в нем уже нет никакой надобности. Но это неправда. Ему каждый день звонят из поселка, и когда он берет трубку, мама и бабушка бросают все дела и прислушиваются к разговору так внимательно, что мне становится не по себе.

А когда он кладет трубку, начинается допрос: кто это был? Зачем звонил? И что сказал? А ты ему что ответил? И дед с каждым разом все больше съеживается, все больше сжимается в комочек в огромном кресле, его глаза стекленеют, а клоники уходят шушукаться на кухню.

ДВЕ БУКВЫ

Когда дедушка берет газету, это уже не дедушка. Это пожилой человек, который читает новости. Выражение лица у него совсем другое. И я люблю за ним наблюдать. Я пристально на него смотрю до тех пор, пока он не станет совсем на себя не похож. И тут он доходит до страницы с кроссвордами, отрывается от газеты и смотрит на меня, шаря по столику в поисках ручки. «А ты уроки сделал?» — и снова превращается в дедушку.

Кроссворд он решает быстро. Сидит за ним недолго и всегда доводит дело до конца. Раньше всегда доводил до конца. А в последнее время он возится с ним чуть подольше и позавчера не дописал две буквы. Это папа заметил, когда вечером взял газету.

— Тесть, вы две буквы не дописали! — сказал ему папа, приподняв страницу с кроссвордом.

— Да.

Дед только это и сказал, две буквы. Папа тоже умолк и поглядел на меня остекленевшим взглядом, совсем как дедушка. Мама с бабушкой были на кухне, и от этого мне почему-то стало спокойнее.